

Новая Польша 1/1999

0: К читателям "Новой Польши"

Выход в свет Вашего журнала я считаю событием, которое трудно переоценить, ибо от нормализации польско-российских отношений зависит не только будущее наших стран, но и будущее формирующейся объединенной Европы. Наша история – это кровотокающий регистр несправедливости и не сведенных счетов. Эти антагонизмы углублены взаимным незнанием. Как среди поляков, так и россиян бытуют деформированные представления друг о друге. Высокой целью Вашего журнала будет привлечение людей доброй воли с обеих сторон, для того, чтобы изменить такое положение вещей. Ближе узнать друг друга и вместе искать пути не только нормализации, но и сотрудничества. Такие попытки были уже в прошлом, как например деятельность Герцена или Александра Ледницкого или же, в настоящее время, моей "Культуры".

1: Поверх барьеров

Читатели серьезной и популярной газеты "Жечпосполита" (тираж 280.000 экз.) буквально засыпали редакцию ответами на анкетный опрос; предлагавший назвать 25 величайших; по их мнению, писателей XX столетия. Первое место в этом списке занял не польский автор, не нобелевский лауреат и не модный баловень судьбы. Пальма первенства досталась Михаилу Булгакову. Кроме него, в числе самых выдающихся творцов мировой литературы читатели польской газеты назвали еще трех русских писателей: Александра Солженицына, Исаака Бабеля и Михаила Шолохова.

Результат; признаться, может показаться неожиданным, но поляков он не слишком удивил. О России здесь все время пишут и думают, зачастую с беспокойством; в книжных магазинах переводов русской литературы предостаточно. Автору этих строк бывает особенно приятно видеть в домах своих друзей книги Бабеля или Солженицына, стоящие на тех же полках, где обычно хранят любимые произведения отечественных, польских авторов. Приятно не только потому; что он сам переводил эти книги. Книги русских авторов на этих полках свидетельствуют о том, что поляки способны отличить Россию от угнетавшей их Империи. Кроме того, это доказательство духовного сродства польской и русской интеллигенции: мы любим и – что важнее – понимаем одних и тех же писателей. Надо лелеять это сродство, ибо в нем – залог диалога, важного для всего общества. Ради этого и создан наш журнал.

Итог читательского плебисцита в Польше мог, однако, стать неожиданностью для русских. Если у них случается время, чтобы оторваться от повседневных забот и поискать в СМИ информацию именно о Польше, они убедятся; что там она все чаще изображается как страна, полная русофобов, играющая роль дежурного врага. Такой тон преобладал, особенно в высказываниях; комментирующих недавнее вступление Польши в НАТО. Так, словно у Польши не было оснований; чтобы в конце концов перестать быть орешком меж двух камней. Так, слово теперь уже невозможны дружественные отношения между нами, тогда как именно сейчас мы можем, наконец, говорить на равных, без угроз и лицемерия.

Отношения России с Европой будут такими, какими будут ее отношения с Польшей. Надеюсь, время покажет, что это немаловажный критерий; достаточно взглянуть на политическую карту континента. Хотя бы поэтому есть смысл, чтобы российское общество уделяло больше внимания новой Польше. Обосновать это мы постараемся на страницах нашего журнала. Мы хотим непосредственно, поверх барьеров, вести диалог с общественным мнением России, звучащим, наконец, свободно и раскованно. Это необходимо тем более; что никогда еще *официальные* отношения между Польшей и Россией не были такими равнодушными и прохладными, как сегодня. А ведь никогда еще у обеих сторон не было так мало оснований для вражды.

Исчезли главные причины многовекового ожесточенного противоборства России с Польшей. Эта упорная борьба закончилась для Польши поражением и потерей независимости, но для России победа обернулась роковым бременем. "России дороже всего обошелся *польский кошмар* – столетняя непрекращающаяся борьба с польским национализмом, то есть с польским пародом, неустанно мечтавшим отделиться". Напомнил об этом сравнительно недавно политик; которого в чем, в чем, а уж в отсутствии российского патриотизма никак не заподозришь: генерал Лебедь. Целью этой борьбы было, как известно, владение территориями, отделяющими Русь от Речи Посполитой. Это не безлюдные земли. Населяющие их народы: украинцы, белорусы, балты – стали

прежде, чем поляки; жертвами этой борьбы. Распад СССР дал им независимость. До тех пор, пока их независимость соблюдается, не будет повода для трений между Россией и Польшей. Пожалуй, это элементарная истина.

И действительно; восточная политика Польши основывается сейчас на принципах, которые впервые сформулировал и на протяжении 50 лет упорно отстаивал на страницах парижской "Культуры" ее главный редактор Ежи Гедройц совместно с Юлиушем Мерошевским. Их суть выражает простой девиз: иметь с Россией самые лучшие отношения, но при одном условии: не ценой независимости и жизненных интересов наших общих соседей. Этот принцип долго не признавали ни польские левые, так как правила страной по милости советской Москвы, ни националистические правые силы, ибо это требовало от них отказа от Львова, Вильнюса, Гродно и от всякой мысли о господстве над соседями. Сегодня в Польше нет серьезной политической силы, отвергающей этот принцип, никакой и нигде – от президента Квасневского, выходца из рядов левых сил и первооснователя этой стратегии, до министра Геремека, который руководит внешней политикой, а играл первую скрипку в подпольной „Солидарности". Польское государство не зарится ни на один клочок украинской; литовской или белорусской земли. Но ведь для рукопожатия нужны двое.

Заслуживает уважения и восхищения великодушные русского народа; спокойно воспринявшего отделение и провозглашение независимости этих стран. Насколько мудрой была эта позиция, мы вскоре же смогли убедиться на ужасающем примере Югославии. Но наше восхищение омрачает все еще существующая и распространяющаяся имперская идеология. Не только потому; что могла бы непосредственно угрожать Польше. А потому, что это - пережиток, анахронизм, опасный для самой России и преграждающий ей путь к участию в строительстве европейского сообщества, участию, которое надлежит ей по праву; и может дать и ей; и нам гарантии благополучия и мира.

В программе тех, кто мечтает вернуться к власти, выеденную скорлупу марксизма заполнила смесь, по вкусу странно напоминающая тот самый германский национал-социализм, который был разгромлен ценой жизни десятков миллионов русских. Главной составной частью этой смеси является навязчивая идея, согласно которой благополучие народа и государства зависит от безудержного расширения своего жизненного пространства, словом, от умения отхватывать у других куски их территории. Самое лаконичное истолкование этой концепции дал придворный Екатерины II, князь Безбородко: *Что не растет, то гниет*. Действительно, испокон веков ради этого велись войны и порабошались народы. Но вот в нашем столетии; которое могло стать последним в истории человечества, свершилось переломное событие: развитие техники и науки достигло критической массы, которая лишила территориальную экспансию экономического смысла. Оказалось, что рациональная, интенсивная экономика исключает необходимость захвата чужих земель. Доказательством могут служить Япония и Германия, достигшие наивысшего в своей истории процветания; поскольку поражение заставило их отказаться от захваченных и даже от своих прежних земель. Англия; хоть и не потерпела поражения, тоже покинула Индию: видимо, ей это было выгодно. Идея захвата жизненного пространства погибла не на войне; решающий удар нанесло ей процветание государств, которые с чувством облегчения избавились от колоний и перестали работать локтями на карте планеты. Но вот оказывается, идея Lebensraum'a не исчезла: она ищет прибежища в России. Достаточно заглянуть в работу Александра Дугина "Основы геополитики" со знаменательным подзаголовком "Мыслить пространством". Недавно вышло ее третье издание. Читая программы многочисленных партий и декларации их вождей; нельзя отделаться от мысли, что курьезные сочинения такого рода служат сокровищницей идей для сил, стремящихся реанимировать Советский Союз. То есть, вместо того, чтобы ответить на солженицынский вопрос: *как нам обустроить Россию?* и на это направить все средства, они хотят вернуться на путь захватов и изнурительной конфронтации, который уже раз привел страну и мир на грань катастрофы.

Не для того мы пишем об этом; чтобы вмешиваться во внутренние споры и мировоззренческий выбор наших российских читателей; учить их с высот нашей польской равнины, а лишь затем, чтобы показать, что делят нас отнюдь не реальные противоречия, а лишь устаревшие теории; анахронические взгляды, изжившие себя предрассудки и предубеждения. Но разве только это мы видим и помним? Нет, мы не забыли ни Окуджаву, ни российский самиздат, ставший для нас примером; ни тот 350-тысячный тираж, которого достигал в свое время журнал "Польша", ни то, что Иосиф Бродский выучил польский язык, чтобы читать польскую прессу и стихи Чеслава Милоша. Мы не забыли благородную солидарность с Польшей во время военного положения единственным свободным, общественным выразителем которой была тогда "Русская мысль". Но не менее важно и то, что мы видим сегодня в повседневной жизни страны, в свободной российской печати разной окраски (если, конечно, можно ее купить: русская газета стоит у нас два с лишним доллара). Кстати; самое интересное сообщение, которое я там нашел недавно, касалось Азербайджана, уже независимого. Страна, которая в советские времена питалась импортным хлебом и еще в 1994 году потратила 50 миллионов долларов на закупку посевного зерна, ныне становится его экспортером; и только потому; что пахотные угодья перешли к

индивидуальным хозяевам, и они пользуются методами и материалами ученого Джалала Алиева. Немцы или японцы в этом не участвовали. Русские тоже.

Думаю, что подобного рода информация из Польши может заинтересовать российских наблюдателей. В нашем журнале мы будем сообщать и о наших достижениях и о наших ошибках. Ведь мы переболели той же самой болезнью, только у нас она длилась короче. Польша легче выбралась из ямы, поскольку большевизм не успел погасить в людях дух инициативы, предприимчивости и желание самым решательным образом решить свою судьбу. Это наши главные выигрыш и шанс. Однако это не меняет факта, что при лечении болезни боль подчас острее, чем во время продолжительного недуга. Кроме того, у демократии есть свои издержки: и у нас глупость пользуется правом голоса и голосами избирателей. Вот почему уже в этом, первом номере журнала мы уделяем особое внимание проблеме интеллигенции; то есть в сущности вопросу; как избежать при подборе руководящих кадров страны так называемого негативного отбора, обеспечивающего порою влиятельные посты невеждам.

Речь идет об интеллигенции в том смысле, как понимают этот термин у нас, в России и в Польше. И только у нас. На Западе эта прослойка считает себя частью мелкой буржуазии, или так сказать, исполняющей обязанности пролетариата. Между тем, если все пойдет на лад, то уже через четверть нового века символом этого самого пролетариата станет не чернорабочий с лопатой, а профессионал, нажимающий соответствующую кнопку. Но недостаточно, если он будет лишь узким специалистом, образованцем, то есть тем, во что хотела – на гибель себе самой – превратить интеллигентная коммунистическая власть. В соревновании двух инженеров выигрывает, как правило, тот; кто кроме алгоритмов знает также Булгакова. Но пока интеллигентами пренебрегают, они не востребованы; живут в нищете. Это, к сожалению, нас тоже роднит. И поэтому "Новая Польша" рассчитывает именно на интеллигентного читателя.

Рассчитывает также на заинтересованность со стороны молодежи; ей нет дела до былых обид и каких-то не сведенных счетов; до старых ран и трагедий. С этой молодежью поляки хотят сесть за чистый стол. Но чтобы сесть за него вместе, надо хоть что-то знать друг о друге. А знаем мы слишком мало. Хуже того: наши знания – порой плод уродливых стереотипов и дезинформации. Но одно мы знаем точно: нас разделяет только дурное прошлое. И дело в том, чтобы оно уж никогда не повторилось.

2: Краткий курс всей этой истории [PDF]

3: Почему мы власть отдали

Станислав Циосек родился в 1939 году. По образованию экономист (окончил Высшую экономическую школу в Сопоте - морской факультет). В ПОРП вступил в 1959 году, был деятелем Союза польских студентов. В 1975-80 годах - I секретарь ПОРП в Еленя-Гуре, затем секретарь ЦК ПОРП, кандидат в члены Политбюро и коротко - с декабря 1988 по июль 1989 года - член Политбюро. Был одним из наиболее активных сторонников поиска соглашения партии с оппозицией. В 1989-1996 годах - посол новой Польши в Москве.

- Почему, собственно, вы отдали власть оппозиции?

- Это объясняли уже тысячу раз, я же отвечу несколько неожиданно. Истоки того, что произошло в 1989 году, нужно искать в Ялте. В результате договоренности трех держав нас включили в лагерь Иосифа Виссарионовича Джугашвили. Он сам говорил, что мы пришлись не ко двору, подходим, как корове седло. И был прав. Поляки действительно не годились для коммунизма.

- Никто не годился.

- Но мы особенно. Вдобавок, у нас был многовековой опыт борьбы с чужестранным игмом. И это закодировано в наших генах.

- В генах я вижу, в основном, талант к саморазрушению.

- Это тоже правда. Но закрепленный в историческом сознании опыт - это ключ к нынешним временам.

- И к тем, двухсотлетней давности, когда нам удалось развалить Польшу?

- Вполне согласен. Но давайте вернемся к Народной Польше, историю которой я умышленно упрощаю, для ясности изложения. Сначала была черная дыра, потом пришел Владислав Гомулка, который пытался изменить эту систему. В те времена и при тех ограничениях он попробовал избавиться от ига. Кое-что ему удалось. Потом, когда он перестал ортачиться, его смели и пришел другой непокорный. Эдвард Герек применял иной метод борьбы с системой: он повернулся лицом к Западу, сделал ставку на западные технологии, дал полякам возможность ездить за границу.

- И доказал, что реальный социализм тоже не пройдет.

- Тогда пришел генерал Войцех Ярузельский, снова упрощаю, потому что в промежутке и недолго был еще Станислав Каня. Генерал привык, что 2 плюс 2 равняется 4, и ему представлялось, что он справится с хаосом, если введет армейский порядок. Увы... По пути были забастовки, военное положение, которое не носило антинационального характера, а было лишь очередной попыткой навести порядок, устранить неразбериху, стабилизировать положение. В здании ЦК была столовая, своего рода биржа, место обмена мнениями, и там со всех сторон звучало одно слово. Неприличное слово, не повторю его, потому что Сейм принял закон о защите польского языка от вульгаризмов.

- Слово на „б” или на „х”?

Нет. Оно звучало в вопросе: когда все это...-скажем-развалится. Ибо в том, что... развалится, никто не сомневался. Партия потеряла уверенность в себе. Знала, что не пользуется общественной поддержкой.

- С каких пор?

- По-моему, с 1979 года, точнее, со времени визита Папы Римского. Это был шок. Вся Польша упала перед Папой на колени. Мало того. Я, по существу, тоже стоял перед ним на коленях, несмотря на то, что был тогда провинциальным секретарем партии. С одной стороны, испытывал чувство гордости, что Папа Римский - поляк и как это здорово. Но, с другой, опасался, что после этого визита нам придет конец. И еще одна мысль приходила в голову. Может, даже не мысль, а просто ревность, что не перед партией, не перед ПОРП, не перед властями страны поляки встают на колени, а перед Папой Римским.

В 1980 году я оказался в Варшаве в качестве министра по делам профсоюзов. И почувствовал себя, как пассажир в неисправном самолете, очень уж трясло. Машину бросало, мотор чихал, но мы кое-как летели. Я был глубоко убежден в том, что сидящие в кабине пилот, штурман и остальные члены экипажа отлично знают, куда летят. Но потом, когда меня избрали сначала кандидатом в члены, а затем, в последний момент, в декабре 1988 года, членом Политбюро, то есть когда меня пустили в кабину пилотов и я познакомился с экипажем, взглянул на индикаторы на щитке приборов, я понял, что нашей основной целью должно быть безопасное приземление.

- Но как?

- Теоретически - очень просто: установить контакт с партизанами в лесу, чтобы определить место посадки и - с помощью Господа Бога, то есть Церкви, приземлиться.

- А практически?

- Долгий путь. Очень сложный процесс. Технически и психологически трудный. Мы боялись „Слидарности”. Для нас „Солидарность”, и вообще оппозиция, была как плазма: без четких очертаний, двигалась беспорядочно, непрерывно меняя форму, провозглашала какие-то лозунги, какие-то слова, совершенно безответственные. В одном месте что-то разожгли, огонь не смогли потушить и не понимали, что костер будет тлеть долго, угрожая пожаром. Мы боялись таких безответственных людей.

- Как Куронь и Михник.

- Вот именно. Это было вызвано нашим незнанием. Мы их не знали и поэтому не представляли себе, как таким людям можно доверить судьбу Польши, разрешить им нести вместе с нами ответственность за страну. Это была наша ошибка. Но это мы поняли позже.

- Потому что верили церкви?

Конечно, это было вполне естественно. Иерархическая структура доверяет другой иерархической структуре и лучше понимает ее.

- А потом вы сказали, что «мы церкви доверяли, а они оказались иезуитами».

- Все верно, так оно и было. Но сегодня, пожалуй, я выразил бы эту мысль иначе. Я познакомился с несколькими иезуитами, благороднейшими людьми. Некоторых из них считаю своими друзьями. Тогда с помощью церкви мы решили начать разговор с оппозиционерами, чтобы без особого шума как-то прозондировать их позицию. Мы постепенно созревали для того, чтобы заключить с оппозицией политический контракт.

- Чтобы как-то повлиять на них?

- Конечно. Ведь тогда речь шла не об изменении политической системы в Польше, отнюдь нет. Мы хотели немножко подвинуться, чтобы дать место другим. Это была попытка встроить оппозицию, а вернее, привлечь оппозицию к совместному управлению страной и тем самым переложить на нее часть ответственности. Суть дела сводилась именно к этому.

- Горбачев разрешил?

- Нет, нет. В отношениях с Советским Союзом уже не было той формы зависимости. Думаю, что для СССР Польша была опытным участком. Я бы даже сказал, что события в Польше, рождение „Солидарности”, ее регистрация в 1980 году - это ключевой вопрос, в том смысле, что не „мы”, а „они” представляли рабочий класс. Я думаю, что эти события привели к власти Горбачева.

- Не слишком ли рискованный тезис?

- Поясню подробнее. Были Черненко, Андропов и, наконец, решили сделать ставку на человека молодого, энергичного, который проведет изменения. Конечно, в рамках системы, а не такие, какие он совершил. Польша, будучи второй по значению страной тогдашнего лагеря, была убедительным примером того, что системные изменения необходимы. Горбачева породило именно такое мышление.

- Еще в июле 1988 года Ярузельский уверял Горбачева, что в Польше не будет профсоюзного плюрализма и оппозиционных партий. Но рассматривался вопрос учреждения Сената.

- Проект учреждения Сената я представил где-то месяцем раньше.

- А не Александр Квасьневский ?

- Квасьневский предложил свободные выборы в Сенат позже, в ходе заключительных переговоров с „Солидарностью” за Круглым столом, что оказалось переломным моментом. Я задумал Сенат как вторую палату парламента, которая должна была выполнять функцию сословного представительства и в которую входили бы представители различных организаций. Переговоры за Круглым столом - это, к слову сказать, была чисто польская политическая идея, не согласованная с Горбачевым. Впоследствии я это проверил, опросив, пожалуй, всех компетентных людей в Советском Союзе.

Политической основой Круглого стола, ранее согласованной с представителями церкви и оппозиции, была идея частично свободных выборов: 65% мест в парламенте для ПОРП и союзнических партий, а 35% для оппозиции. Я был атором этой идеи, но выражал, естественно, пожелания генерала Ярузельского, который пытался найти выход из создавшегося положения. Почему 65%, а не 2/3, хотя в Сейме для отклонения вето президента или Сената необходимы 2/3 голосов? В этом-то и была открытость с нашей стороны. Потому что 2/3 - это 67%, а не 65. Эти два процента разницы партия должна была отстоять в свободной демократической борьбе. Я убеждал свою партию: ну, что вы, бойтесь Бога, неужели вы не выиграете этих двух процентов? Не выиграли.

- Вы продумали все это до мельчайших деталей?

- Конечно. Как я уже говорил, перед Вами сидит автор идеи, который рассчитал все математически, с учетом конкретной ситуации, сложившейся тогда в государстве и в партии. А чтобы все было ясно, скажу: я не предлагал бы такого политического контракта, таких отчасти несвободных выборов или неполной свободы, если бы был убежден, что сможем выиграть эти выборы своими аргументами. Мы не верили в свою собственную правоту, об этом стоит, наконец-то, сказать. Если бы мы верили, мы пошли бы на абсолютно свободные выборы. С одной стороны, мы опасались проигрыша, а с другой, не верили, что наша программа социальной политики, отношения к человеку лучше программы, предложенной нашими противниками. Что она может еще засверкать, если ее, так сказать, помыть и почистить. Нам казалось, что новое окажется лучше. Это убеждение было, по всей вероятности, продиктовано страхом, усталостью, износом материала в результате долгих лет правления. Партия

устала от самой себя. Я открыто изложил свою точку зрения, и потом до меня доходили весьма язвительные комментарии, что, мол, это только я устал, а другие не устали. Возможно.

- Вы сказали ксендзу Оршулику: „При нынешнем составе правительства нет надежды на то, что страну удастся вывести из кризиса”.

- Скажу для полной ясности. Я не был ни Конрадом Валленродом